

Литературно-художественный альманах «ВМЕСТЕ» № 3, 2021

*Владимир
Бочаров*

(Рассказы)

г. Москва

ТРОЕ «МУШКЕТЁРОВ» ИЗ МАККАВЕЕВО

Николай, стерев пот с лица банданой, вновь повязал её на голову. На данный момент это был единственный способ защиты от вездесущего гнуса, который его донимал. Пол огорода вскопал, но до обеда нужно закончить оставшуюся часть, кровь из носа. Обещал ведь Пелагее Матвеевне вскопать весь огород. Через неделю бабушку выпишут из больницы. Вот она обрадуется! Рассада давно готова, картошка проросла. Самое время делать на огороде посадки.

Яркое и тёплое солнце высветило светло-зелёные вершины забайкальских таёжных сопок. Быстро плывущие по голубому небу облака отбрасывали тени на круговерть «таёжных бурунов» и придавали особую красоту картине фиолетового цветения багула, разлившегося на склоне сопки за рекой. Казалось, ещё чуть-чуть, и разгулявшееся воображение подхватит тебя, закрутит, унесёт в самую глубину восхитительного таёжного моря леса, пахнущего сосной, пихтой и можжевельником, возрождающихся после зимней спячки.

В это же самое время среди весенней красоты, на берегу речки Унгур, впадающей в красавицу Ингоду, сидели три подростка лет пятнадцати. Особенно импозантно выглядел сублильного вида паренёк – Витька, который напоминал взъерошенным видом задиристого воробья, изрядно пощипанного после очередной драки, но не утратившего воинственного духа.

Полной противоположностью ему был Кирьян. Только юношеский ломающийся голос выдавал в нём представителя «племени молодого и незнакомого». Высокий рост, широкий разворот плеч, натруженные кисти рук,

вполне соответствовали облику уже взрослого парня, как и густая щетина, жёсткой щёткой покрывавшая щёки и подбородок. Третий – Димон, являл собой переходящую стадию взросления от Витюхи, к Кирьяну. Все трое закадычных друзей учились в одном классе сельской школы. Что и стало темой эмоциональной беседы.

– А чего я в этой школе забыл? – Хорохорился Витюха. – Читать, писать умею, а большего мне и не надо.

– Не-а, надо ещё водительские права получить, а для этого хотя бы восьмилетку закончить. Иначе тебя в автошколу не возьмут. – Вразумил Витюху Димон.

– Чего не возьмут-то? Я преподу приволоку пару мешков кедровых шишек, хариусов копчёных, медку дикого, то да сё! Куда денется! Все до халявы охочи! Даст права, как миленький. Скажи Кирюха?!

Кирьян усмехнулся, хмыкнул и искоса взглянул на своего «воробьиного» товарища.

– Ну, не знаю... – Протянул задумчиво Димон. И отхлебнув из полуторалитровой пластиковой бутылки медовухи, передал её Витюхе.

– Мамка мечтает, чтобы я школу окончил. Говорит, хоть ты образование получи, в город переедешь, нас с твоей сестричкой заберёшь к себе. А чего хорошего в этом городе? – Витюха, сделав добрый глоток, передал медовуху Кирьяну.

– У нас здесь воля! Мы – хозяйева тайги! Хошь изюбра завали, рыбы и дикоросов – море! Только не ленись, поднимай, да денежки получай. Правду говорю, Кирюха?!

– Гык, – ответил тот, одним глотком ополовинив бутылку.

– Вот, и я говорю! – Взбодрился поддержкой Витюха.

– Только вот денежки эти получить ещё надо, – возразил Димон, – они так просто на дороге не валяются.

– А, может, и валяются? – Хитро подмигнул «воробьиный родственник» Кирьян и вопросительно устремил взгляд на Витю.

– Э-э, нет! После прошлой твоей идеи залезть через

крышу в магазин, нас чуть не замели! Только потому, что участковый – мой дядька, мы до сих пор на свободе шараемся. – Сплюнул Димон. – Никакого магазина! Помнишь месяц назад к Матвеевне приехал в гости друган её покойного сына – Игоря. А как она слегла в больничку, так он и остался у неё на хозяйстве. Уж третий месяц как правит дом, да чинит её забор. Правда, нелюдимый какой-то, в магазине только продукты покупает, а чтоб водочки, так ни-ни! К Люське, продавщице, на ВВІ обращается. Та уж вся из юбки ради него готова выпрыгнуть, а он и глазом не ведёт. Мужики ходили к нему с бутылкой, хотели знакомство завести. Так он стол накрыл, а водки не выпил с ними, говорит: зарок дал.

Мужики сплюнули да ушли. Интеллигент говорят! А кто такой интеллигент? Да хрен его знает, шибко умный наверно. А все эти интеллигенты трусливы, а бабло у него есть! Машина справная, джип. Опять же, продукты, строительные материалы покупает, Матвеевну в больничке поддерживает. Вот мы у него и попросим с нами поделиться деньгами. Верно говорю, Кирюха?

Кирьян, кивнув, поднялся во весь свой двухметровый рост.

– Так говоришь, Люська на него глаз «положила»? – Переспросил он Витька.

Тот, удивившись звуку голоса гиганта, мелко закивал.

– Ну, так я ему глаз его на жопу натяну и моргать заставляю! Нечего на наших девок заглядываться.

И троица, весело переругиваясь, отправилась в сторону посёлка.

...Николай поймал себя на том, что здесь, вдали от города, посреди природной роскоши таёжного бытия, он наконец-то стал обретать душевный покой. Проблем накопилось немало... Забота о матери погибшего товарища отвлекала от мыслей по поводу измены жены. Боль предательства стала тише, нормализовался сон и это придавало сил пережить беду. Физический труд на земле ока-

зывал лечебное воздействие. Он почувствовал и свою нужность. Пелагея Матвеевна обрела в нём нового сына, а он, – сирота и выходец интерната – обрёл любящую мать.

Невольно память перенесла его в ущелье Кандагара. На его руках умирал друг, боевой товарищ и брат земляк Игорь Смоллов... Плакал по-мужски, без слёз, страдая от собственного бессилия перед возможной кончиной.

– Николай, у меня в нагрудном кармане лежит конверт с адресом мамы. Возьми его, и обещаю позаботиться о ней, ведь я у неё один... был...

– Ты это брось, вместе поедим к твоей маме, ещё и на свадьбе твоей погуляем!

– Нет, Коля, без меня теперь уже ей придётся жить, как больно! Обещаю про маму не за...

И всё, не стало больше друга... Николай достал из-под броника Игоря окровавленный конверт. Слова клятвы товарищу зазвучали в душе Николая священной молитвой. Дальше, больше... Протяжный свист и близкий взрыв мины. Машинально, Николай прикрыл собой тело мёртвого друга.

Потеря сознания, чернота и бесконечное падение в пропасть.... Очнулся офицер на седьмой день в военном госпитале. Потом операции, вторая... Редкие визиты супруги. Он всё понимал, у неё творческая работа, огромный коллектив. Он так хотел сделать ей сюрприз. Специально не сказал о завтрашней выписке. Купив по пути домой огромный букет цветов, открыл своим ключом дверь квартиры.

Жена, естественно, не готова к сюрпризу, и не одна. А в объятиях постороннего мужчины... Цветы выпали из рук, устлав пол прихожей пёстрым ковром.

Николай не стал устраивать разборки. Сглотив обиду и находясь в состоянии шока, он ушёл из дома молча, не услышав слов оправданий и просьб жены о прощении.

Казалось, что у него умерла часть души. И вот теперь, эта самая часть вернулась. Но другой... Осознавшей, что жизнь продолжается и никогда не поздно начинать всё

сначала... Теперь Николай вспоминал об этой истории, полоснувшей по его сердцу ножом, уже без тоски и ощущения боли. Вернулось умение радоваться жизни, пошутить...

Вот и сейчас, Николай задрал голову, улыбаясь яркому забайкальскому солнцу и небесной синеве. Жизнь хороша, даже тогда, когда есть какие-либо неприятности.

– Эй, дядя, закурить не найдётся?! – Николай с удивлением увидел трёх молодых людей, бесцеремонно входящих во двор.

– А что, в школе не учили здороваться со старшими?

– Ну, здорово, коли не шутишь! – пробурчал Витюха.

«Этот самый мелкий, видимо самый задиристый», – подумал Николай.

– Добрый день.

Трое пришельцев стояли перед ним. Мелкий – впереди, а сразу за ним, молодой гигант под два метра ростом, чуть правее, – крепкий юноша с бейсбольной битой в руках. На его лице явно читалось желание подраться...

Николай опёрся на лопату, с ухмылкой оглядев троицу с ног до головы.

– Ну, так чем я обязан, молодые люди?

– Во! Молодец! Сразу догадался, что ты нам обязан! Первое, – ты наших девочек клеишь. Второе, – по нашим улицам ходишь. И третье, до сих пор не представился!

– Ребята идите своей дорогой, сегодня я добрый, поэтому ваше хамство, – на первый раз, прощаю. Это первое. Второе: где ходил, там и буду ходить. Ну и третье, вам ещё нет 18 лет, поэтому вам обсуждать мои отношения с девушками рановато, подрастите сначала.

– Ах ты, падла! – крикнул Димон.

Николай чуть отклонился, пропустив мимо себя просвистевшую битой, одновременно провёл подсечку нападавшему.

Кирьян получил тычок черенком лопаты в солнечное сплетение и ребром ладони по шее. Рухнув, как сноп,

парень лежал на спине, судорожно открывая рот, в тщетной попытке глотнуть побольше воздуха.

Мелкий, получив плашмя удар лопатой по копчику, встал, и стал, повизгивая, нарезать круги вокруг своих павших товарищей.

Всё это произошло настолько быстро, что ребята даже не успели понять, как такое вообще могло случиться...

– Всем лежать! – скомандовал Николай. – А тебе – он придержал мелкого за рукав рубашки, – приседание на корточках. Скоро боль пройдёт.

Минут через десять, когда ребята пришли в себя, Николай представился:

– Корнейчук Николай Валентинович, офицер запаса, боевой товарищ вашего земляка, геройски павшего при исполнении воинского долга. А теперь вы представьтесь.

Когда перезнакомились, Николай предложил зайти в дом, попить чайку и познакомиться ближе.

– А ловко вы нас Николай Валентинович уделали, мы и дёрнуться не успели.

– Это достигается тренировками.

– Нас научите?

– Ребята, эти навыки нужны, прежде всего, не для драк.

– А для чего?

– Родину защищать.

– Расскажите нам об этом!

– Не сейчас, мне ещё огород копать.

– А давайте мы вам поможем.

– Идёт, только чур, с меня за помощь ужин. Накормлю вас настоящей солдатской кашей!

– А сто грамм за знакомство нальёте?

– А вот про это, если вы со мной за стол садитесь, – забудьте. Радость от ста грамм ложная, а горя много.

После ужина развели они во дворе костёр, сели вокруг него. До глубокой ночи Николай рассказывал о подвиге их земляка. О том, что сам он, сирота, и однажды поставил перед собой цель стать офицером. Как достиг её.

Сколько гарнизонов сменил, сколько интересных людей встретил. Как радовался приобретению новых друзей и как терял старых...

У ребят в темноте светились глаза. Перед ними открылся новый мир, во всём его влекущем многообразии.

– А что и мы так можем?

– Конечно! Только этого нужно очень сильно захотеть!

– А можно, мы и завтра к вам придём? Ещё что-нибудь поможем сделать.

– Приходите. Только давайте завтра, подправим пешеходный мостик через речушку. Доски кое-где прогнили, поменяем. А вечером опять каши наварим.

– Мы согласны. Только завтра мы вас бухулёром угостим забайкальским!

– Замётано.

Так и повелось. Стали замечать сельчане, что пресловутая троица, знаменитая ранее только шкодой и непотребством, теперь равно как гайдаровские тимуровцы: там мосток починят, там спортивную площадку оборудуют, турники да тренажёры поставят самодельные. Старикам одиноким помощь окажут.

Тут и другая молодёжь из посёлка подтянулась. Ремонт в клубе сделали, улицы от мусора очистили. Только теперь пресловутая троица во главе этого движения была! А к началу учебного года, пришёл глава поселковой администрации к Николаю.

– Николай Валентинович, ты за полгода родным нам всем стал, молодёжь к тебе, как подсолнухи к солнцу тянется. Возьми школьное директорство на себя!

– Я подумаю.

– А чего думать? Ты в окно выгляни.

Николай подошёл к окну. Весь двор был заполнен как молодёжью, так и взрослыми. Впереди стояла его троица «мушкетёров». Увидав его в окне, народ стал скандировать:

– Валентиныч! Валентиныч!!!

– Народ тебя просит, – подошёл глава администрации.

– Сынок, – подошла Пелагея Матвеевна, – за себя и сына своего прошу, друга твоего. Оставайся, мы в тебя верим и ты нам всем нужен.

Что-то попало в глаз Николаю, отчего он совсем некстати зажмурился и стал усиленно тереть глаза ладошкой.

– Он согласный! – Распахнув окно, выкрикнул глава.
«Ур-р-ра!!» – Понеслось над посёлком.

Прошло совсем немного времени и в сельской школе появился свой военно-патриотический центр имени лейтенанта Игоря Смолова, русского офицера, геройски погибшего во время выполнения интернационального долга в Афганистане.

* * *

Спустя шесть лет, после этих памятных событий, печатая чёткий строевой шаг, по плацу военного командного училища, шёл строй выпускников – молодых лейтенантов. Были в этом строю и наши маккавеевские «Мушкетёры», только теперь это были не Витёк, Кирьян и Димон, а настоящие командиры. Стройные, подтянутые, просто красавцы.

После прохождения торжественным маршем перед трибуной, где стояло командование военного училища, земляки окружили Николая.

– Ну что, – улыбаясь, спросил Николай, – Драться будем?

– Качать вас будем Николай Валентинович! Если бы не вы...

– Нет ребята, всё дело в вас!

– Всего можно достичь, если очень захотеть! – Хором закончили ребята. – Качай его!

Крепкие руки ребят подхватили Николая и подбросили его к небу! Оттуда с улыбкой на них смотрел их земляк Игорь Смолов, – боевой товарищ Николая, офицер, оставшийся в памяти своих земляков и друзей молодым.

Николай данную ему клятву исполнил!

ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

Вспышка орудийного выстрела. Звука не слышу. Мысль работает стремительно. «Неужели это мой снаряд?»

Истина от озарения беспощадна. И вот, наконец, оглушительный грохот взрыва, как тому подтверждение.

...Вязкая, беспросветная чернота. Мыслей нет. Нет ничего. В этом ничего, из ниоткуда, тонкой нитью прорезается медленно нарастающий звук, переходящий в грохочущий набат. И на фоне боли, пробуждающей моё сознание, острое, как лезвие ножа, прозрение – ЖИВОЙ!!!

Мои глаза режет, словно кто-то щедро сыпанул под веки битое стекло. Тело болит. Нет, это не тело, это футбольный мяч, безжалостно избитый жёсткими бутсами футболистов, не оставляющих и сантиметра неповреждённой ударами кожи.

Судорожно сжимаю пальцы. Ура! Пальцы есть! Причём все! Значит и руки целы. Теперь ноги. Осторожно сгибаю, подтягивая их к животу. Есть ноги! Обе!

Теперь открыть глаза... Это самое трудное. Во-первых, резь под веками, во – вторых, страх узнать, что ты ничего не увидишь. А более страшного, нежели это мне трудно представить.

Собираюсь с мужеством и с большим усилием, раздираю веки. Боль и яркий свет. О Боже! Я вижу! Пусть и не очень чётко, пусть сквозь слёзы, но вижу!

Но всё равно что-то не так. Вижу разрывы снарядов, вижу падающие листья и ветки, срезанные кинжальным автоматным огнём. Это как ты смотришь старую беззвучную киноленту. Вот оно! Чёрт! Я не слышу! Прорываясь сквозь непрекращающийся набатный звон в голове, кричу, кричу, как только могу, громко. Словно сквозь толстый слой ваты различаю собственный крик. Это нормально, – с облегчением приходит мысль – обыч-

ная контузия, она пройдёт, пусть не сразу, но пройдёт.

Медленно переворачиваюсь на спину, попутно стряхивая с себя землю, перемешанную с мелкими ветками, и остатками тротила. Оглядываю себя, начиная с носков тупорылых берц, до плеч. Плечи сотрясает, их бьёт мелкая дрожь. Как странно, но это от моего смеха. Странно смеяться, не слыша звука голоса, осязая его внешнее проявление, через реакцию тела. Радость! Всеобъемлющая радость! Я всё же живой и почти целый! Всё остальное – мелочи. И даже эти упёртые бородачи, которые третьи сутки упорно преследуют нас по гористой «зелёнке». Стоп. А где Ванька, – первый снайперский номер? В момент последнего выстрела, после того, как нас накрыло, он находился рядом.

Осторожно ползу в сторону, где последний раз видел его. А вот и Ванька, – лежит на животе присыпанный землёй.

Дрогнувшей рукой прикасаюсь к его шее, улавливая под пальцами тонкую «нить» пульса. Живой! Переворачиваю на спину. Правая штанина насквозь пропитана кровью. Ножом разрезаю брючину. Рана глубокая, но вена не повреждена. Вот и пригодились мне в очередной раз навыки оказания первой медицинской помощи. Укол сделан, рана обработана, повязка наложена. Всё, как учили.

Ванька в бессознательном состоянии, но это к лучшему.

Похоже, чеченцы стрелять перестали. Это плохо, значит, сейчас пойдут прочёсывать местность.

С тоской гляжу на покорёженный РПК (ручной пулёмёт Калашникова). Обороняться, похоже, мне больше нечем. Из оружия – пистолет и Ванькина снайперская винтовка.

Отстегнув магазин карабина, сосчитал оставшиеся патроны. В остатке, два. Это только застрелиться нам обоим, – мелькнула невесёлая мысль.

Три дня разведгруппа уходила от преследования превосходящих сил противника. Задание командования успешно выполнено. Главарь бандформирования уничтожен. В обозначенном месте их группу должна была эва-

куировать «вертушка», но район эвакуации оказался «вскрыт» противником. Пришлось уходить по зелёнке в сторону запасного района, до которого по прямой километров пятьдесят, а реально, все сто пятьдесят! Местные горцы преследовали группу неотвратно. Мины и растяжки, оставляемые нами позади нашего движения, не срабатывали. Значит, преследователи опытные, дело своё знают.

Дистанция неотвратно сокращалась. Оставалось поставить заслон на перевале, дав тем самым возможность основной группе выйти в заданный район для эвакуации. По радиации, из штаба подтвердили место и время приёма десанта.

Кому остаться для прикрытия отхода группы? Останусь я. Решение окончательное. Несмотря на 37 лет, ни жены, ни детей нажить не успел... А может просто не захотел? А ведь была-была та самая любимая и единственная женщина, обещавшая меня ждать.

И всего-то и была у нас одна горячая и страстная ночь, бестолковая и суматошная, соединившая нас, неопытных любовников, в одно целое!

Воспоминание о той ночи не раз будило меня на солдатской койке стыдливым и томительным напряжением.

Спустя полгода по почте пришло письмо от друга – спуталась твоя Иринка с заезжим хахалем и «понесла» от него. Как тогда я удержался от необдуманного поступка, до сих пор не понял. Наверно, телеграмма о смерти матушки перебила эмоциональный взрыв обиженной души и этим уберегла меня от необдуманного решения.

На похороны ехал, как в тумане. Но только за поминальным столом осознал всю глубину трагедии произошедшего. Один, совсем один. Ирину, бросившуюся ему навстречу после погоста, я грязно обругал. Оставил её сидеть на обочине дороги, обхватившей свой большой живот руками. Сельчане, молча обходили, отводя глаза в сторону. А я два дня пил, не просыхая.

На третий день, собрав документы, убыл в часть раньше установленного срока. Потом служба по контракту, поступление в военное училище, выпуск, череда военных

гарнизонов. Командировки в Чечню. Женщины были, – много женщин. Но в каждой из них я видел только её, Ирину. Спал с каждой, мстя ей, которая не дождалась.

Холостяцкая квартира, по словам очередной знакомой, «пахла волком». Да я и сам называл её логовом. Ведь основная часть моей жизни проходила в части, где время заполнено повседневными заботами. В этом и было моё спасение.

...Перед самым выходом на боевое задание, рядовой Куликов, а в миру Ванька, поделился со мной радостной новостью. Его невеста беременна и ждут мальчика. Почему со мной? Наверно, потому, что, я как и он родом из деревни, и мы чувствовали наше сельское родство «нутром».

– Товарищ капитан, вот она, моя Юлька!

Я сразу почувствовал, как каменеет моё лицо. На миг мне даже показалось, что с фотографии Юльки глядит та, которая была моей единственной, любимой, но предавшая!

– Товарищ капитан, что с вами?

– Нет, ничего, показалось. А ты уверен, что ребёнок от тебя?

– Конечно от меня! – Обиженно шмыгнул носом Ванька. – Ведь мы друг друга любим, и я ей верю!

И было в его словах столько убеждённости, что мне стало неловко перед пацаном в солдатской форме.

– Ну, поздравляю!

– А когда она родит, мне дадут отпуск по семейным обстоятельствам?

– Я похлопочу, после выполнения задания.

– Спасибо товарищ капитан.

Я смотрел в спину удаляющегося вприпрыжку рядового. А ведь он мог быть вполне моим сыном! Тьфу! Какая только чертовщина в голову не придёт!

И вот сейчас, заняв оборону на перевале, я приготовился к последнему в моей жизни бою. То, что это будет последний бой, сомнений не оставалось, равно как не испытывал жалости к себе. Терять мне было нечего. А вот

для пацанов, которые у меня в подчинении, жизнь только начинается. Так пусть хоть у них всё сложится иначе.

Вдруг послышался шорох за моей спиной. В перекрестии оптического прицела появился Ванька...

– Рядовой, твою мать, – громким шёпотом просипел я. – Кто разрешил тебе вернуться?!

– Товарищ капитан я с вами.

– А твоя невеста, твой не рождённый сын? Ты подумал о них?

– Ещё как подумал! Как же я им объясню, что бросил своего командира одного умирать? Это не по-людски. Мне что с этим потом всю жизнь маяться?...

– Дурья твоя башка! Ведь теперь и мне помирать нельзя, я же за тебя пред твоей женой и ребёнком отвечаю.

Но тёплая волна благодарности к солдату окутала моё сердце. Даст Бог, выживем, вернусь и я, разыщу свою Ирину с сыном, стану перед ними на колени и буду стоять до тех пор, пока не простят меня идиота! Ведь любить, это значит, ВЕРИТЬ!

Жаль, что эта простая истина пришла ко мне только сейчас, благодаря Ваньке. Неспроста! Теперь мы с ним просто обязаны выжить! Наконец-то и в моей жизни появился высокий СМЫСЛ!

...Ну вот, открываю глаза, шевелю губами, а звука нет. Чёрт, а ведь у меня слуха нет!

– Ванька, слушай сюда, похоже, я контужен, потому тебя не слышу. Если понял, кивни! Ну вот, слушай дальше. Сейчас по ручью уходим вниз, нас будут искать, потому идём тихо, не высовываемся.

Ванька кивнул, резко поднялся и тут же с перекошенным лицом рухнул на землю. Нога. Положение осложняется. Карабин бойцу на спину, сам боец мне на закорки.

Врёшь, нас так просто не возьмёшь!

...Четвёртый час брели по неглубокому ручью. Иногда Ванька бил мне по плечу и показывал сжатый кулак, что означало, что он слышит гортанные голоса преследователей. Тогда мы погружались в ручей по уши, прячась в те-

ни береговых кустов.

Усталость брала своё. Ваньку трясло крупной дрожью, да и у меня зуб на зуб не попадал от обжигающе-холодной воды горного ручья. Нужен отдых. Вот и прибрежная площадка, укрытая зелёным пологом кустов от посторонних взглядов. Здесь привал.

Набат в голове гремит тише, но всё равно ничего не слышу. Однако нужно оглядеться, кроме меня, – некому. Пресекаю попытку бойца «пойти» со мной, демонстрацией своего кулака под его носом. Здесь ждёшь! Тот неохотно кивнул.

Как неудобно и ущербно, вести разведку, всё видеть, но не слышать. Из меня сейчас разведчика ровно половина. Остальная часть, – двигающаяся мишень.

А это что ещё, за камуфляжное пятно, движется прямо на меня? Прижавшись всем телом к разлапистому стволу старой липы, наблюдаю совсем молодого чеченца, ровесника Ваньки, беспечно бредущего прямо на меня. Красивые тонкие черты лица, редкие тонкие усики, на ресничках которых повисли капельки пота. Автомат беспечно опущен стволом вниз, в кармашке разгрузки торчит букетик свежесобранных лесных цветов. Сжимая штурмовой нож, готовлюсь к решительному броску. Снять его, это как два пальца об стол! Два движения и его горло пересечёт смертельная красная черта. В качестве трофея автомат с разгрузкой полной запасных магазинов, – наше с Ванькой спасение. Вот он рядом, сейчас .... Насвистывая себе под нос, молодой чеченец удаляется от меня, так и не узнав, что смерть его была совсем рядом! Рукоятка ножа в руке вспотела. Нет, не смог. Слишком много для меня сегодня открылось. Совсем ещё зелёный молодой чеченец, и тоже чей - то сын.

В мой затылок внезапно упирается холодный, автоматный ствол. Ну, вот и всё! Бросаю нож и медленно оборачиваюсь. Прямо в мою переносицу нацелен ствол автомата. Высокого роста бородач, улыбаясь, задаёт мне вопросы. Я начинаю истерично смеяться, показывая на уши и повторяя – не слышу, ничего не слышу!!!

Боевик делает неуловимое движение прикладом авто-

мата. Небо расцветивается всполохами. Проваливаюсь в темноту. Очнулся. Мои руки связаны за спиной. По подбородку стекает струйка крови. Знатно меня отключили ударом приклада. Работал профессионал.

Молодой чеченец, которого я пощадил, ногами пинает связанного Ваньку. Тот корчится, широко открывая рот, подтягивает колени к груди, пытаюсь уйти от града сыплющихся ударов.

Рывком бросаюсь под ноги молодому чеченцу, прикрывая Ваньку. Ору матом. «Не трожь его, он раненный!» И тут же получаю жёсткий удар в пах. Сука, надо было всё же тебя зарезать!

И вдруг молодой чеченец падает. Это бородач ударил его жёстко по лицу.

Обиженно сложив брови домиком, молодой отморозок показывает на обнажённое правое плечо Ваньки. На нём виден характерный синяк, оставляемый прикладом карабина снайпера.

Бородач, передёргивает затвор автомата. НЕТ-НЕТ!! Не стреляй, он мой СЫН!!! Это само собой вырывается из меня.

Бородач присаживается на корточки рядом. О чём-то спрашивает? Я мотаю головой. Не слышу...

Достав блокнот, он печатными буквами пишет:

«Почему его не убил?».

Кивает головой в сторону молодого чеченца.

«Не смог. Молодой, дурной... Жизни не видел, как и мой тоже. Им надо жить, любить женщин и делать детей.

Бородач кивает головой. Опускает ствол. Достает нож и ... разрезает мои путы. Так же поступает с Ванькой. Помогает встать. Складывает губы, так чтобы я прочёл слова.

«Это мой сын и я не привык быть должником. Уходите в сторону солнца. Там искать вас не будут».

– Вот так я приобрёл себе сына, – Ваньку. Теперь надо разыскать его брата и мою Ирину.

– Мы их обязательно найдём!! – орёт мне прямо в ухо разбитым ртом Ванька.

Я согласно киваю, и мы заливаемся радостным смехом, с трудом пробивающимся сквозь слой ваты, мне в уши. Но это мелочи. Пройдёт!